

О.А. ГОЛОВАЧЕВА

(Брянский государственный университет,
г. Брянск, Россия)

УДК 821.161.1.3(Лесков Н. С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,444

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ОККАЗИОНАЛЬНОСТИ В РАННЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.С. ЛЕСКОВА

Аннотация: В статье анализируются окказиональные единицы, эксплицированные в ранних статьях Н.С. Лескова. В силу экспрессивной и смысловой насыщенности композиты и претерпевшие семантическую трансформацию узуальные лексемы выступают как эффективное средство воздействия на читателя.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, ранняя публицистика, окказионализмы.

Статьи Н.С. Лескова 60-х годов поражают разнообразием тем и широтой проблематики: это и занятость населения, и женский вопрос, и засилье спиритизма, и многое другое, обозначенное публицистом ярко, емко, с использованием лексических единиц оценочного регистра, особенно выпукло представленных в лексемах окказионального характера.

Так, в статье, номинирующие проблему пьянства («Вопрос об искоренении пьянства в рабочем классе», «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда», «Очерки винокуренной промышленности», «По винному вопросу», «Факт из истории водворения откупной системы в России» и др.), Н.С. Лесков активно вводит авторские новообразования, особый интерес представляют композиты и претерпевшие семантическую трансформацию узуальные лексемы.

Например, сложная единица *сердцеизлияние*, созданная в русле книжной традиции XIX века, образована путем сложения основы слова *сердце* в одном из ЛСВ – «орган кровообращения как символ средоточия чувств, переживаний, настроений человека» [ТСУ 2001: т. 3, 182] и *излияние* (книжн.) в значении «откровенное высказывание, передача другим своих интимных чувств, переживаний» [ТСУ 2001: т. 1, 456]. Окказионализм стилизован под книжную единицу. Слово прозрачно в семантическом отношении, составляет сумму компонентного состава, значение новообразования подразумевает действия отдельной личности, о чем сигнализируют семы 'свои', 'интимные' (чувства). Однако в тексте статьи «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда» авторское новообразование выступает как

средство создания иронии в силу того, что изливание сердца демонстрирует не индивидуум, а люди, целые слои социума: ...*низший, менее образованный класс народа, привыкший, вследствие исторических причин, пропивать иногда свой заработок в один раз и, пропивая его, кричать, целоваться, плакать и браниться, а иногда и драться с собутыльниками и друзьями... Остальной класс ... не желающий, вследствие своего нравственного развития, участвовать в криках, лобзаниях и побоищах и избегающий даже близкого соприкосновения с этими сценами народного **сердцеизлияния**, должен искать возможности удовлетворять своим потребностям другими путями* [Лесков 1996, здесь и далее цитирование по указанному источнику с соблюдением графика и орфографии автора].

Употребляя данную единицу в качестве гиперонима по отношению к гипонимам *крики, лобзания и побоища*, Н.С. Лесков подчеркивает ее неуместность в данной лексико-семантической группе (ЛСГ), поскольку *крик* – «громкий, резкий звук голоса, громкое восклицание» [ТСУ 2001: т. 1, 583], *побоище* (разговорное и ироничное) – «ожесточенная кровавая драка» [ТСУ 2001: т. 2, 400]. Новообразование звучит в унисон только с книжным, поэтическим и устаревшим словом *лобзание* – «поцелуй», которое в тексте также употреблено как единица иронического ракурса.

Окказиональное сложное слово оксюморонного характера *монополюбно-посредствующий* привлекает внимание читателя необычностью, т.к. его значение составляет сумму структурных компонентов, противопоставленных по семантике: основы адъектива *монополюбный* – «пользующийся монополией, т.е. исключительным правом на производство или продажу чего-нибудь» [ТСУ 2001: т. 1, 689] и формой глагола *посредничать посредствующий* – «занимающийся посредничеством, т.е. сводящим продавца и покупателя» [ТСУ 2001: т. 1, 518]: ...*прост такой способ приобретения питей из тех **монополюбно-посредствующих** рук, которые мы доврременно должны считать первыми и даже непосредственными...*

Лексема *монополюбно-посредствующий* прежде всего выполняет номинативную функцию, констатируя сложившуюся в стране ситуацию, когда спаивание непросвещенного народа фактически поощряется и проводится правительством, на что указывает публицист через адъектив *непосредственный* – «без посредствующих, промежуточных звеньев связанный с кем-, чем-либо, прямой [МАС 1988: т. 2, 466]. Создавая иллюзию участия посредников в повальном пьянстве народа, государство непосредственно, монополюбно присутствует в ходе разложения населения с одной целью – получения баснословной прибыли за

счет продажи спиртного и многочисленных махинациях, сопровождающих этот процесс.

В работах по проблематике пьянства наряду с лексическими нами отмечены и семантические окказионализмы, например, *перелив*, *форменный* и др.

В системе языка функционирует отглагольное существительное *перелив* со значением «переход из одного оттенка в другой (о красках, звуках)» [ТСУ 2001: т. 2, 335]. Это дериват от переносного значения глагола *переливать* – «блестеть перемежающимися, переходящими одна в другую красками, отражать в быстрой смене разные цвета» [ТСУ 2001: т. 2, 335]. Однако в тексте существительное *перелив* употреблено в значении других производных от прямого значения данного глагола: *переливание*, *переливка* – «процесс, при котором одна жидкость переливается из одного места в другое» [ТСУ 2001: т. 2, 335]. Таким образом, в статье «Несколько слов о местах распивочной продажи хлебного вина, водок, пива и меда» Н.С. Лесков не просто употребил одну единицу в значении другой, но и произвел контаминацию семантики: спиртные напитки «переливаются из одного места в другое», при этом «переходят из одного» состояния в другое: *...места перелива откупных специй в желудки потребителей*. В контексте формируется единица, обретающая свою жизнь «как строевой элемент идиолексона» [Леденева 2000: 88], при ее создании интенция автора была направлена на творческое переосмысление значения.

Семантические окказионализмы, в том числе и слово *перелив*, наряду с лексемами, понятийное ядро которых составляют компоненты с негативной оценкой, служат средством создания мрачного, гнетущего впечатления от питейных заведений. В контексте использован один из ярких лесковских приемов, который у зрелого писателя станет характерной чертой идиостиля – прием языковой игры. Уже в 60-е годы Н.С. Лесков-публицист выступает как мастер саркастического письма. При этом демонстрируется лаконичность и в то же время смысловая емкость, используются слова, которые в системе языка имеют другое значение по отношению к тому, что реализовано в контексте.

Лексема *форменный* в узусе – относительное прилагательное, производное от одного из лексико-семантических вариантов полисеманта *форма* – «однообразная, одинаковая одежда, установленная для военных, служащих какого-нибудь ведомства, для учащихся какого-нибудь учебного заведения» [ТСУ 2001: т. 3, 529]: *Мы, конечно, не имеем в виду тех людей, которые думают, что входом в питейное заведение они могут уронить свое человеческое достоинство или, по крайней мере, достоинство своего звания, общественного положения или*

форменного платья – и не желают ее каким-то образом скомпрометировать.

В тексте статьи адъектив употреблен как в системном значении, так и в семантически трансформированном: *форменные* (люди) – это люди, которые носят форму, о чем свидетельствует и более широкий контекст: *Остальные люди **форменные** были против ... а если кто-нибудь из них и заходил в эту залу, то не чрез парадные двери, как все другие, а пролезал иначе и не садился в зале, боясь смешаться с людьми, а жался особнячком в боковых комнатах.*

В статьях по проблематике пьянства семантический сдвиг имеет место и в значении глагола *величать* в следующем контексте: *Людям, стоящим в материальной зависимости от такого общества, которое **величает** шалунами развратников, разрушающих под маской дружбы семейное счастье, и затворяет двери перед человеком, предпочтительшим «оригиналы спискам», нечего прать против рожна.*

Здесь семантическую трансформацию глагола определяет контекстуально заданная антонимическая пара *шалун – развратник*. Лексическое значение существительного *шалун* – «тот, кто шалит; баловник, проказник, резвый ребенок» – фиксируется по глаголу *шалить* – «дурить, баловать, чудить, проказить, дурачиться» [ТСД 2006: т. 4, 1022-1023]; в то время как *развратник* – «распутный человек, порочный» [ТСД 2006: т. 4, 27], «предающийся половой распущенности» [СО 1986: 558]. Таким образом, интегральным компонентом противопоставленности субстантивов выступает степень (игры, баловства), при этом первый член антонимической пары имеет частичную «вытянутость» семантики: в его структуре утратила актуализацию сема 'резвый ребенок'. Однако русским людям *величать* – «возносить, превозносить, восхвалять, славить, прославлять, чествовать» [ТСД 2006: т. 1, 293] – шалунов не было принято, т.к. это противоречило бы здравому смыслу, следовательно, выражение *величать шалунами развратников* употреблено в переносном значении и имеет в тексте ярко выраженный гиперсемантизированный характер, сигнализируя читателю следующее: в обществе человек небогатый считается в большей степени потенциально склонным ко всякого рода порокам, чем человек зажиточный и состоятельный.

Положение, когда только финансовое состояние определяет отношение к человеку, возмущало Н.С. Лескова; свое негодование он передавал, используя разнообразные языковые единицы, создавая авторские слова, привлекая окказиональные синтагматические связи. «Об искусстве Н.С. Лескова заметить и отразить мельчайшие детали свидетельствует умение трансформировать семантический объем языковых

лексем в соответствии с прагматической установкой автора, что находит реализацию в статьях по спиритической проблематике» [Головачева 2011: 22].

В статьях «Аллан Кардек...» и «Модный враг церкви» Н.С. Лесков, сравнивая спиритизм и нигилизм, о последнем говорит так: *Когда в Петербурге и во многих местах России свирепствовал страшный умственный недуг, названный нигилизмом, нередко случалось видеть мужчин и дам, которые, беседуя с отчаяннейшим нигилистом, восклицали: «Да где эти нигилисты?»*

Так, переносное значение глагола *свирепствовать* – «проявляться с большой силой; бушевать, неистовствовать» [МАС 1988: т. 4, 50] – характеризует процессы и явления стихийного порядка, например, свирепствует пожар, чума, ураган, однако *недуг* («сильное недомогание, болезнь») заявляет о себе иначе. С помощью описательного выражения метафорического характера (*свирепствовал страшный умственный недуг*) Н.С. Лесков аттестует нигилизм, который, по его мнению, не столь опасен для страны, как распространившийся философский спиритизм: *Люди толпами переходят в спиритизм! ... Это не столько секта, сколько новый способ мышления... спиритизм есть собственно новейшая религия.*

Дальновидный русский публицист предупреждает: спиритизм – это страшное зло, которое трудно распознать в силу особенностей его проявления, о чем в тексте сигнализирует композит *хитроласковый*. Структурно-семантические особенности сложного прилагательного *хитроласковый* интересны спецификой семантического сближения входящих в его состав компонентов: *хитрый* – «лукавый, коварный» [ТСД 2006: т. 4, 906], и *ласковый* – «приветливый, милостивый, благодушный» [ТСД 2006: т. 2, 389], наличие данных компонентов в одной лексеме приводит к энантиосемии на внутрисловном уровне: *Что же сделали и что намерены, по-видимому, сделать слуги церкви для борьбы с этим новым, хитроласковым врагом своим?*

Окказиональное сложное прилагательное несет важную смысловую и эмоциональную нагрузку, используется в целях точной и утонченной семантической дифференциации. Включая адъектив *хитроласковый* в синтагматические отношения со словом *враг*, публицист создает выражение оксюморонного характера, функционированию которого должны противоречить экстралингвистические факторы, свидетельствующие о том, что враг не может быть ласковым. Однако Н.С. Лесков точно определил новую разновидность проявления духовной экспансии: когда «лобовая» атака не эффективна, агрессор использует *бархатную поступь своей кошачьей лапки*. Окказионализм *хитроласко-*

вый указывает на вполне реальный, тщательно продуманный и отрепетированный спиритический спектакль, рассчитанный на доверчивого русского человека.

Сложное прилагательное с сочетанием противоречащих основ играет значительную роль в создании микрообраза в контексте, а публицист, «создающий окказионализмы, становится обладателем мощного, порожденного ощущением свободы выразительного средства, способного наиболее адекватно выразить индивидуально-авторское видение мира» [Клаус 1967: 16].

К единицам оксюморонного плана относится также лексема более сложной структуры, чем названные выше, – прилагательное *философско-религиозно-нравственно-практический*: ... направлены против спиритизма как против явления **философско-религиозно-нравственно-практического**. У первых трех компонентов композита интегральными выступают семы ‘добро’, ‘мудрость’, ‘духовность’, представленные на уровне эксплицированных (*философский* – «относящийся к философии, т.е. науке о достижениях человеческой мудрости, о познании истины и добра» [ТСД 2006: т. 4, 883]) или имплицитных (*религиозный* – «основанный на религии – богопочитании или духовных убеждениях» [ТСД 2006: т. 4, 906]; *нравственный* – «духовный, душевный; противоп. телесному, плотскому» [ТСД 2006: т. 2, 918]). Компонент *практический* – «опытный, прикладной, наглядный; противоп. теоретический, умозрительный, умозаключительный» [ТСД 2006: т. 4, 906] – содержит семы, противоположные названным выше, что иллюстрирует и дефиниция. Таким образом, композит *философско-религиозно-нравственно-практический* демонстрирует высокую степень окказиональности и в силу семантической прозрачности емко и точно характеризует спиритизм как разновекторное, всеохватное учение нового типа.

Ряд окказиональных единиц создан Н.С. Лесковым с пропуском предшествующего звена словообразовательной цепи. Производные этого типа указывают на искусные тактические маневры спиритов, направленные на пропаганду своего учения. Одной из таких лексем является слово *острупелый*: ...он (спиритизм) ...как бы некий *целительный елей, увлажяет острупелые раны, нанесенные от оскорблявшего нежнейшие человеческие чувства материализма*.

В языке зафиксирован глагол *струпеть* – «покрываться струпом, перестать гноиться» [ТСД 2006: т. 4, 579], который не предусматривает коррелята совершенного вида в силу семантических особенностей. Однако причастие-прилагательное *острупелый* структурно соотносится с потенциальным глаголом *острупеть*. Данная тенденция образования окказиональных причастий с пропуском предшествующих звеньев

словообразовательной цепи, наметившаяся в публицистике Н.С. Лескова, найдет свое продолжение в его художественных текстах. «Эти слова «как бы» минуя глагол, к которому формально примыкают по своей основе» [Хан-Пира 1966: 34]. Усиливает экспрессивно-оценочный потенциал лексемы метафоричность семантики, имевшая место в процессе словообразовательного акта.

Чресступенчатым способом образовано и причастие *медиумствующий*, значение которого семантически мотивировано субстантивом *медиум* – «человек, будто бы способный к духовным сообщениям» [ТСД 2006: т. 2, 510], а структурно – потенциальным глаголом *медиумствовать*:

Здесь, конечно, не место распространяться о том, в чем именно заключаются верования и учение этих нетелеграфирующих или, как они себя называют, “философствующих” спиритов, но ясно, что они довольно далеко ушли от спиритов медиумствующих, или “опытных”, которые дали так много данных порицать спиритские верования.

В ранних публицистических текстах Н.С. Лескова отмечены разноплановые окказиональные единицы, направленные на пробуждение читателя и активизацию его деятельности на поле духовной брани, в борьбе с укоренившимися пороками, с устоявшимися ошибочными представлениями, бытующими в социуме. Публицист говорил об этом, по наблюдению Б.С. Дыхановой, с «подлинностью чувств и природной добротой» [Дыханова 2013: 126], искренне надеясь, что соотечественники его услышат.

Таким образом, в ранних публицистических работах Н.С. Лескова нами отмечены окказиональные единицы, которые созданы автором по типу сложения, а также претерпевшие семантическую трансформацию; они прозрачны в смысловом отношении, в тексте реализуют колоссальный экспрессивно-оценочный потенциал, служат эффективным средством воздействия на читателя, пробуждая его активность, указывая на социально-общественные проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

Головачева О.А. Нравственные проблемы публицистики Н.С. Лескова 60-х годов XIX века. Языковые средства отражения позиции автора. – Брянск, 2011.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. – М., 2006 (далее – ТСД).

Дыханова Б.С. В зазеркалье волшебника слова (поэтика «отражений» Н.С. Лескова. – Воронеж, 2013

Леденёва В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. – М., 2000.

Лесков Н.С. Полное собрание сочинений в 30 томах. – М., 1996.

- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1986 (далее – СО).
- Словарь русского языка.* Т. 1-4. – М., «Русский язык», 1988 (далее – МАС).
- Толковый словарь русского языка /* Под ред. Ушакова Д.Н. Т. 1-4. – М., 2001 (далее – ТСУ).
- Хан-Пира Э.И.* Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании//Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 184-190.

© Головачева О.А., 2014